

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 904+94(47) DOI 10.25986/IRI.2026.104.2.011

Г. Е. Дубровин

*Институт археологии РАН, Москва, Россия. gendub@mail.ru
ORCID 0009-0001-8601-036X*

ПРАВОБЕРЕЖЬЕ НОВГОРОДА («ОНЬ ПОЛЬ», ТОРГОВАЯ СТОРОНА) В X–XIII вв.

В статье рассмотрены основные этапы истории Торговой стороны Новгорода в X–XIII вв. В X в. начинается ее хозяйственное освоение (пашни), но следов заметных поселений этого времени там не обнаружено. В XI в. с переносом княжеского двора с Городища начинается активное освоение Торговой стороны. В результате к концу столетия поселение на Торговой стороне («онь поль») расширяется до Плотницкого (Федоровского) ручья и становится сопоставимым с левобережными концами (Неревским и Людиным). С этого времени и можно говорить о трехкончанской модели раннего Новгорода. В XIII в. единое поселение на Торговой стороне разделяется на два конца: Славенский и Плотницкий, которые вместе с тремя концами Софийской стороны формируют классическую пятикончанскую городскую федерацию Новгорода, просуществовавшую до его падения.

Ключевые слова: Новгород, Торговая сторона («онь поль»), конец, Славенский и Плотницкий концы, трехкончанская и пятикончанская модели

Сформулированная еще в 1971 г. гипотеза В. Л. Янина и М. Х. Алешковского о раннем Новгороде как альянсе трех изначальных поселков, ставших ядрами древнейших концов (Неревского и Людина на левом берегу Волхова и Славенского на правом) [Янин, Алешковский; Янин 2013, с. 28], по сей день является основополагающей для исследователей начала новгородской истории. И несмотря на то, что новые (в первую очередь, археологические) материалы внесли в нее ряд коррективов¹, тем не менее существование с первой половины X в. двух таких поселений, Неревского и Людина на Софийской (левобережной) стороне, нашло подтверждение в процессе крупномасштабных археологических исследований².

Несколько по-иному обстоит дело с третьим гипотетическим поселком X в. на правом берегу Волхова (Торговая сторона, летописный «онь поль»³), который по упомянутой гипотезе должен был являться ядром Славенского конца. С ним пока многое неясно. И если раньше можно было сослаться на недостаточный охват раскопками территории Славна⁴, то на сегодня

¹ В частности, можно считать опровергнутым утверждение о разноэтничности указанных поселков (см., например: [Носов, с. 13–16; Покровская]).

² Имеются в виду в первую очередь Неревский и Троицкий раскопы.

³ Термин «онь поль» (то есть другая половина/сторона) и производный от него «ониполовици» часто встречаются в летописных текстах, но, строго говоря, термин «онь поль» не является топонимом. Очевидно, его могли использовать обитатели Софийской стороны (в том числе и составители Новгородской первой летописи), чтобы подчеркнуть оппозицию заречных жителей по отношению к себе, причем надо помнить, что, с точки зрения правобережного Новгорода, левый берег являлся тем же «оним полом».

⁴ Топоним «Славно» обозначает территорию в южной половине Торговой стороны Новгорода, по большей части совпадающую со Славенским концом.

нышний день данный участок города если не по площади исследований, то хотя бы по количеству раскопов вполне может претендовать на предварительные выводы по этому вопросу.

На раскопах Славенского конца к настоящему времени еще не выявлено достоверных следов застройки ранее XI–XII вв.⁵, хотя хозяйственное освоение территории (та же распашка) вполне может относиться и к X в.

Так, лепная керамика, являющаяся для Новгорода достаточно надежным индикатором X в. [Смирнова, с. 5; 9, табл. 1; Гайдуков, Малыгин, с. 63; Малыгин, Гайдуков, Степанов, с. 88; Плохов, с. 426–429], зафиксирована на Ярославовом дворище ([Арциховский, с. 8; Хорошев, Пежемский, Степанов, с. 62; Андриенко, Шуреев, Желтова, с. 88–90] и т. д.) – (Рис. 1, 1), а также на Посольском раскопе 2008 г. в южной части Славна (Рис. 1, 11). На последнем в материковых ямах, связанных с периодом первоначального хозяйственного освоения территории (распашкой), наряду с фрагментами лепной керамики, обнаружены неудачная отливка круглой фибулы и железная привеска плети. Автор раскопок М. И. Петров датирует этот набор предметов, а заодно и распашку X – первой половиной XI в. [Петров 2009], а А. Е. Мусин вообще относит указанные материалы ко времени не позднее первой трети X в. [Мусин, с. 63].

Что характерно, никакой застройки, сопоставимой с лепной керамикой, на указанных объектах не выявлено (только отдельные материковые ямы и плетневые выгородки на раскопе Посольский-2008).

Единственное место на Торговой стороне, где с определенной долей вероятности можно говорить о сооружениях X в., – это Михайловский раскоп⁶, где методом дендрохронологии 970-ми гг. датируются отдельные элементы древнейшего яруса мостовой Михайловой улицы [Колчин, Хорошев, с. 144–146] (Рис. 1, Д). Но эта очень важная дата требует тщательной проверки.

Однако, по мнению О. А. Тарабардиной⁷ и А. Е. Мусина, из-за состояния полевой, отчетной и камеральной документации Михайловского раскопа в настоящее время такая проверка, к сожалению, не представляется возможной [Тарабардина; Мусин, с. 63], поэтому окончательно решить вопрос о застройке X в. могут только дополнительные раскопки на этом участке Славна.

Таким образом, хозяйственное освоение территории Славенского конца могло начаться уже в X в. в виде распашки и возведения отдельных плетневых выгородок. Но заметных поселений этого времени, откуда приходили люди, собственно, пахать, здесь пока достоверно не обнаружено. Даже если они и были, то, судя по охвату раскопками территории Славна, являлись довольно небольшими, не идущими в сравнение с крупными Неревским и Людиным поселками на левом берегу Волхова. А пахать на Славне, то есть на заречной стороне, в X в., в принципе, могли и жители указанных левобережных поселков.

Картина же реального начального городского освоения территории Славна может быть получена из рассмотрения совокупности материалов раскопов, где выявлены достоверные поселенческие комплексы и артефакты XI в. (в отличие от гипотетического X в.). Это раскопы Дубошин [Колчин, Янин, с. 47; Гайдуков 1997; Петров, Тарабардина 2019; Петров, Рыбина,

⁵ Исключение – возможно, Михайловский раскоп – см. ниже.

⁶ Следует отметить, что все три перечисленных объекта, претендующих на соотнесение с X в., находятся вблизи условной трассы сухопутного пути (с одной переправой через Малый Волховец / Лешошню) из Городища в Новгород (тогда еще левобережный). В эту же трассу может быть вписан и мост через Волхов середины X в. (?), рязи которого были обследованы А. В. Степановым [Степанов].

⁷ В последнее время О. А. Тарабардиной и Н. Н. Фараджевой успешно проведена передатировка ранних ярусов Троицкого и Неревского раскопов (см., например: [Тарабардина, с. 51–52]), поэтому обращение этих исследователей к материалам «ключевого» для ранней истории Славна Михайловского раскопа могло бы быть весьма плодотворным.

Тарабардина; Петров, Тарабардина 2021], Ильинский [Колчин, Черных; Колчин, Янин, с. 33–36], Нутный [Колчин, Янин 1982, с. 47–50; Гайдуков 1992; Петров 2012; Петров 2016; Петров 2017], Посольский-2016 [Гайдуков и др. 2017, с. 27–28; Гайдуков и др. 2019, с. 60–62]; Знаменский, 15 [Гайдуков и др. 2020, с. 24–26]; Иоанновский⁸; раскопки в церкви Святого Ильи на Славне [Антипов, Жервэ, с. 57–58]. Вместе с раскопами, где обнаружена лепная керамика (см. выше), они маркируют территорию в юго-западной, центральной, западной и северной частях Славенского конца, причем на большинстве из них начало заселения может быть отнесено к первой половине столетия.

Если к этому добавить раскопы в соседствующей с севера со Славно южной части Плотницкого конца с аналогичной ранней хронологией (Буяный (Лубяницкий) [Хорошев, с. 176–191], Рогатицкий [Хорошев, с. 191–194], на ул. Рогатице [Воронова], Федоровский [Дубровин, Тарабардина, с. 226–227; Дубровин 2016, с. 294–299, 302–303, 309; Дубровин, Тарабардина, Тихонов, с. 127–130], Лукинский [Яременко, Тарабардина; Гайдуков, Олейников], Рогатицкий-2 [Гайдуков и др. 2015, с. 67]⁹), то получится, что уже не хозяйственное, а поселенческое и даже протогородское/городское освоение Торговой стороны в течение XI в. охватило большую часть площади будущего Славенского конца и южную половину Плотницкого, достигнув к исходу столетия Плотницкого (Федоровского) ручья (Федоровский раскоп) (Рис. 1).

Попробуем прокомментировать полученную картину.

Многие исследователи придерживаются гипотезы о том, что отправной точкой заселения правобережной территории Новгорода (Торговой стороны) стало перемещение сюда жителей Городища.

Так, В. А. Янин предполагал, что начальная застройка Славенского конца являлась результатом «переселения на новое место жителей покинутого Городища», причем название Холмъгород (Холмгард) применялось первоначально к поселку на Городище, а затем в результате миграции населения переместилось на Славну и было сохранено в форме топонима Холмъ [Янин 1982, с. 87].

В основных положениях эту гипотезу в той или иной степени разделяют Е. Н. Носов, Т. Н. Джаксон и А. Е. Мусин [Носов, Плохов, Хвощинская, с. 32; Джаксон, с. 652–654; Мусин, с. 64–65], причем если первые два автора не говорят определенно о времени этого переселения и переноса на Славно топонима Холмъгород→Холмъ, то А. Е. Мусин, основываясь преимущественно на археологических материалах (в первую очередь, Городища), пытается ответить на этот вопрос.

Суть его гипотезы можно свести к следующему.

---

⁸ Работы на этом раскопе, весьма перспективном с точки зрения обнаружения древнейших напластований на Славне, будут продолжаться, но на исследованном к настоящему времени участке самый ранний горизонт датируется началом – серединой XI в. (Гайдуков П. Г., Олейников О. М. (Институт археологии РАН, Москва, Россия), Волков И. В. (Столичное археологическое бюро, Москва, Россия), Миляев П. А. (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия), Кудрявцев А. А. (Институт археологии РАН, Москва, Россия), Тарабардина О. А. (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Великий Новгород, Россия), Торопов С. Е. (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия). Об исследованиях в квартале 38 Великого Новгорода: В поисках Немецкого двора. Доклад на Ежегодной научной конференции «Археологические исследования: новые материалы и интерпретации» / Archaeological Research: New Data and Interpretations». 5 апреля 2023 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XLaAqv5_WsY (дата обращения 10.03.2025).

⁹ Кстати, здесь на материке обнаружены следы пашни, которую авторы раскопок по находкам раннекруговой керамики относят к X в. [Гайдуков и др. 2015, с. 67].

Поселения на холмах Торговой стороны¹⁰, скорее всего, существовали уже в первой трети – первой половине X в., то есть не позже, чем появляются поселки левобережной (будущей Софийской) стороны.

Если миграция топонима Холмъград с городищенского холма на холмы (холм?) Торговой стороны имела место, то ее следует отнести к концу IX – первой трети X в., то есть ко времени археологически выявленных разрушения укреплений Городища и последовавших за этим изменений характера жизни на поселении (снижение ее активности), что, как можно заключить из построений А. Е. Мусина, явилось индикатором миграции городищенского населения на территорию будущего Новгорода, так как этому периоду (конец IX в. – 910–920-е гг.) может соответствовать появление поселений с лепной керамикой на Славенском и Дворищенском холмах, ставших новым Холмъградом и отражавших процесс изменения отношений между князем и местными общинами. То есть в это время сложились предпосылки для возникновение протогородских поселков на территории будущего Новгорода на правом и левом берегах Волхова, которые «надежно фиксируются уже в 930-е гг.» [Мусин, с. 64–65].

Следует отметить, что одновременно с этим А. Е. Мусин писал, что все-таки «основным импульсом освоения Торговой стороны и формирования здесь жилой застройки... было появление княжеского двора на Дворищенском холме», которое автор относит к 970–980-м гг., то есть ко времени княжения Владимира Святославича [Мусин, с. 63].

Анализ представленных выше положений показал следующее.

Гипотеза о переносе названия «Холмъград» в форме «Холмъ» с Городища на Славно, как признак переселения туда какой-то части населения городищенского холма с одновременным переносом старого названия на новое, сходное по рельефу, место [Джаксон, с. 653–654], кажется не очень убедительной. Ведь топоним «Холм», как оронимический термин, связанный с природным характером места, где расположено некое возвышение, является весьма распространенным [Мурзаев, с. 595]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на Городище был свой холм (и поселение на нем, предшествующее варяжской крепости, то есть раннему Новгороду по Е. Н. Носову, Холмъград¹¹), а на Славне – свой, который в качестве урочища так и назывался просто Холм.

Новгородского археологического материала, свидетельствующего о начале заселения территории будущего Славенского конца в рамках, очерченных А. Е. Мусиным (конец IX в. – 910–920-е гг.), явно недостаточно. Пока что, кроме требующих проверки и в общем-то более поздних (970-е гг.?) дат Михайловского раскопа и точечных следов хозяйственного освоения территории в районе холмов Дворищенского и на Славне (то есть собственно Холма), никакими данными о поселениях, предположительно существовавших здесь в X в., а тем паче, в конце IX в. мы не располагаем.

В то же время утверждение о том, что импульсом для городского освоения Торговой стороны явилось появление здесь княжеского двора, не вызывает сомнений. Недаром еще в 1808 г. епископ Евгений (Болховитинов) писал: «На нынешнее место Новгорода с Городища перенес княжеский дворец уже Ярослав I Владимирович во время княжения своего в Новгороде... К его-то дворцу переселяться стали из поозерских мест славяне и таким образом составили первый Славенский конец Новгорода» [Евгений (Болховитинов), с. 37–38].

Что же касается времени появления княжеского двора на месте нынешнего Дворища, то интересная гипотеза А. Е. Мусина, привязавшего это событие к 970–980-м гг., то есть ко

¹⁰ Имеются в виду Дворищенский холм и холм (Холмъ) в южной части Славна. Именно здесь встречается лепная керамика (Рис. 1, 1, 11).

¹¹ Название, перешедшее в скандинавские языки в форме «Хольмгард». Оно, вероятно, в силу традиции так и закрепилось за поселенческим гнездом у истока Волхова, а затем и за самим Новгородом [Джаксон, с. 652–654].

времени княжения Владимира Святославича, в настоящее время не обладает убедительной археологической доказательной базой.

Зато доказательств ставшей уже традиционной версии об этой акции, предпринятой около 1014 г. Ярославом Владимировичем (см., например: [Носов, Плохов, Хвошинская, с. 28]), вполне достаточно¹².

В первую очередь, это уже упоминавшееся выше активное заселение территории Славна и южной части будущего Плотницкого конца, начавшееся одновременно с этим событием, в начале XI в. и синхронное запуску Городища [Носов, Плохов, Хвошинская, с. 28]. Последнее свидетельствует не только о переносе княжеского двора на новое место, но и об уходе значительной части населения Городища вслед за князем на Славно¹³.

Рядом с новым княжеским двором и под его защитой появляется первый иноземный двор в Новгороде (по-видимому, это и есть летописный Поромонь двор), вероятно, прообраз позднейших Готского и Немецкого, где могла находиться резиденция северных (в первую очередь, скандинавских) купцов [Мельникова, с. 129–130; Рождественская] и где, вероятно, по недосмотру князя в 1016 г. произошло избиеание новгородцами варяжских наемников Ярослава¹⁴ ([ПСРА, т. 3, с. 174–175; т. 1, стб. 140–141; т. 2, стб. 127–128] и т. д.).

Здесь же опять-таки под контролем князя и по соседству с первым иноземным (Поромонем) двором утверждается Торг, который раньше, по-видимому, мог находиться на левом берегу, на территории будущего детинца [Семенов, с. 56], между двумя протогородскими поселками (Неревским и Людиным).

Мнение о том, что Торг до появления княжеского двора располагался на своем нынешнем месте на правом берегу Волхова [Носов, Плохов, Хвошинская, с. 28; Мусин, с. 61], кажется неубедительным, поскольку вряд ли жители левобережных поселков стали бы размещать его не только в отдалении от последних, да к тому же и за рекой на еще практически не заселенной (или малозаселенной) местности, в то время как гораздо логичнее это было сделать на своем берегу, на «ничейной территории» / общественном месте между указанными поселками, где впоследствии был возведен детинец.

Там же, вероятно, собирались и какие-то общие сходы местных жителей и, по мнению А. Е. Мусина, могли находиться до крещения и места отправления языческих общественных культов¹⁵, а после крещения, как известно, появились первые христианские храмы вместе с ре-

¹² Здесь следует упомянуть и гипотезу В. А. Булова, который полагает, что появление княжеской резиденции на Торговой стороне, как следствие событий 1015–1019 гг., связанных с борьбой Ярослава за киевский престол с помощью новгородцев, являлось не «переездом с Городища, как считает Е. Н. Носов» [Булов, с. 193], а переносом княжеского двора из пришедшей в негодность так называемой «левобережной крепости», под которой исследователь подразумевает якобы возведенное в 920–950-х гг. укрепление, предшествующее Детинцу 1044 г. [Булов, с. 189]. В вопросе об упомянутой «левобережной крепости» В. А. Булов следует весьма спорной гипотезе О. М. Олейникова [Олейников, Долгих], подвергнутой убедительной критике Е. Н. Носовым и М. А. Родионовой [Носов, Плохов, Хвошинская, с. 30–31; Родионова, с. 164, 167–168]. По В. А. Булову последовательность перемещений княжеской резиденции выглядит следующим образом: княгиня Ольга во время своей поездки в Новгородскую землю (946/947 г.) «не могла не видеть, в каком удручающем состоянии пребывали укрепления крепости Рюрика – центра судопроизводства и сбора дани». Поэтому она и стала инициатором создания новой фортификации уже вне Городища на холме на левом берегу Волхова (то есть той, которую якобы обнаружил О. М. Олейников) в центре формирующегося нового поселения, «что стало составной частью осуществляемой ею административной реформы». В начале XI в. и эта фортификация также приходит в негодность, вследствие чего Ярослав Владимирович вновь переносит княжескую резиденцию на этот раз с левого берега Волхова на правый, то есть на место Дворища [Булов, с. 189–190, 192–193].

¹³ Это не удивительно, поскольку, вероятнее всего, большая часть жителей городища была занята обслуживанием княжеской резиденции.

¹⁴ Среди самих новгородцев было немало выходцев из Скандинавии (о чем свидетельствуют археологические материалы, особенно последних лет [Мусин, Тарабардина; Булов, с. 188–189]) или их метисированных потомков (ср.: «и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска» [ПСРА, т. 3, с. 106]), то есть данный конфликт, судя по всему, нельзя квалифицировать как межэтнический, что периодически встречается в популярных изданиях.

¹⁵ Исследователь считает, что именно здесь, а не на Перыни во время языческой реформы Владимира Добрыней был установлен идол Перуна [Мусин, с. 58–59].

зиденцией епископа¹⁶ и в конечном итоге около 1044 г. был возведен детинец [Мусин, с. 58–59; ПСРА, т. 3, с. 181; т. 42, с. 64].

Вернемся на Торговую сторону.

«Онъ поль» или поселение на правом берегу Волхова, как уже говорилось выше, в течение XI в. расширяется вплоть до Плотницкого (Федоровского) ручья и, по-видимому, начинает играть в Новгороде роль, сопоставимую с уже сформировавшимися двумя концами Софийской (левобережной) стороны, превращаясь в третье «градообразующее ядро». Постепенно «онъ поль» приобретает черты аналогичной левобережным концам территориально-административной единицы, однако до поры до времени несколько низшей по рангу¹⁷ и со своей спецификой, обусловленной, во-первых, ее тесной связью с находившимся здесь княжеским двором¹⁸, а во-вторых, большим и постоянным притоком нового населения, присоединяющегося к поселенческому «городищенскому ядру» начала XI в., переместившемуся сюда вместе с князем Ярославом Владимировичем¹⁹.

И несмотря на то, что в конце XI в. (новгородское княжение Мстислава Владимировича) княжеский двор возвращается на Городище, на Дворище еще в течение длительного времени сохраняется городская резиденция князя [Носов, Плохов, Хвошинская, с. 28; Дубровин 2016, с. 43]. Здесь на Торговой стороне и княжая сотня, и огнищане, фигурирующие в «Уставе о мостех»²⁰. Отсюда и заметный «уклон» «ониполовицей» в сторону княжеской власти.

Что же касается кончанского деления Торговой стороны на две составляющие, то вряд ли можно говорить о нем до XIII в.

В письменных источниках Славенский конец появляется только в 1231 г. [ПСРА, т. 3, с. 71, 280]²¹, а Плотницкий оформился не ранее конца XIII в. [Дубровин 2016, с. 232]²². До второй же четверти XIII в. в документах фигурирует «Торговый поль» или «онъ поль» [Дубровин 2016, с. 86–88]. Причем, судя по тем же летописным сообщениям, здесь не просто представлен топоним (или заменяющий его термин (квазитопоним) «онъ поль»), но одновременно с этим дается указание на определенное единство жителей правобережья, сродни левобережному кончанскому (например, события 1157 и 1218 гг.) [ПСРА, т. 3, с. 30, 217, 58–59, 258–260].

Таким образом, действительно можно говорить о трехкончанской структуре Новгорода с XI до второй половины XIII в.²³, причем если на Софийской стороне представлены Неревский и Людин концы²⁴, существование которых в этом качестве подтверждается письменными источниками, начиная с XI–XII вв. [ПСРА, т. 4, ч. 1, с. 123; т. 3, с. 41, 233; Янин, Зализняк, с. 3], то на Торговой стороне им соответствует территориально-административная единица Торговый пол («онъ поль»), в XIII в. разделившаяся на два конца: Славенский и Плотницкий.

Предпосылкой к такому разделению послужило городское освоение находившегося к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья урочища Плотники, археологически прослеживае-

¹⁶ По-видимому, уже изначально в какой-то степени укрепленной, что следует из не лишенной правдоподобия гипотезы о немирном утверждении христианства в Новгороде (см.: [Янин 2004, с. 130–143]).

¹⁷ В этом отношении показательно отмеченное В. Л. Яниным отсутствие в XII в. представителей Славенского конца в посадничестве [Янин 2013, с. 86]. Бояре-«ониполовицы» начинают активно проявлять себя только со второй половины 1210-х гг. [ПСРА, т. 3, с. 54–55, 58–59, 253, 258–260].

¹⁸ Не исключено, что уход князя на Городище в конце XI в. и кончанское оформление правобережного поселка как третьей составной части новгородской городской федерации совпадают по времени не случайно.

¹⁹ Мы не знаем, как называли себя тогда жители Торговой стороны. Вероятнее всего, их самоназвание соотносилось с ее древнейшей южной частью, то есть со Славно (см.: [Несин, с. 7]).

²⁰ В. Л. Янин датирует его 1260-ми гг. [Янин 1977, с. 115, 120–121].

²¹ Причем не исключено, что здесь под Славенским концом подразумевается еще вся освоенная к тому времени часть Торговой стороны вплоть до Плотницкого (Федоровского) ручья. При этом сам термин «Славно» известен с начала XII в. (1105 г.) [ПСРА, т. 3, с. 19, 203].

²² Топоним «Плотники», как обозначение урочища, известен с конца XII в. (1197 г.) [ПСРА, т. 3, с. 43, 237], а Плотницкий ручей – с 1134 г. [ПСРА, т. 3, с. 23, 208].

²³ К близкому выводу приходит и В. А. Буров, который считает, что только «к XI в. в Новгороде сформировались три поселка-конца» [Буров, с. 191].

²⁴ А также Прусская улица, которая, являясь своеобразным «посадничьим инкубатором», формально вошла в кончанскую структуру Новгорода только с формированием в XIII в. Загородского конца, ядром которого она и стала [Дубровин 2016, с. 85–86, 232; Дубровин 2017].

мое с середины XIII в. и проводившееся при активном участии прусских бояр [Дубровин 2016, с. 132–133].

Таким образом, можно обозначить следующие этапы истории Торговой стороны Новгорода.

1. X в. – хозяйственное освоение отдельных участков территории (пашни). Никаких крупных поселений этого времени, сопоставимых с левобережными, здесь пока достоверно не выявлено.

2. Начало XI в. (1014 г.?) – перенос княжеского двора с Городища на Торговую сторону («онь поль»). Одновременно с этим – переселение сюда значительного контингента жителей Городища, составивших ядро новой территориальной единицы в правобережной части Новгорода. Под защитой князя появляется первый иноземный двор (Поромонь?) и формируется Торг, который в дальнейшем дает название этой части (стороне) Новгорода. Вероятно, раньше торг мог находиться на левобережной (Софийской) стороне (на месте будущего детинца?).

3. В течение XI в. в результате притока населения из Новгородской округи поселение на Торговой стороне по площади и числу жителей становится сопоставимым с Неревским и Людиным концами Софийской стороны. Вероятно, с этого времени и можно говорить о трехкончанской структуре Новгорода, причем роль третьего конца выполняет единый поселенческий массив Торговой стороны, «онь поль», занимающий территорию будущего Славенского конца и южную половину будущего Плотницкого конца вплоть до Плотницкого (Федоровского) ручья. Такая схема сохраняется до XIII в.

4. В XIII в. идет процесс размежевания Торговой стороны, в результате которого появляются два конца: Славенский и Плотницкий, которые вместе с двумя «старыми» концами Софийской стороны и образовавшимся на основе боярской Прусской улицы Загородским концом составят классическую пятикончанскую структуру Новгородской городской федерации, просуществовавшую вплоть до падения Новгорода.

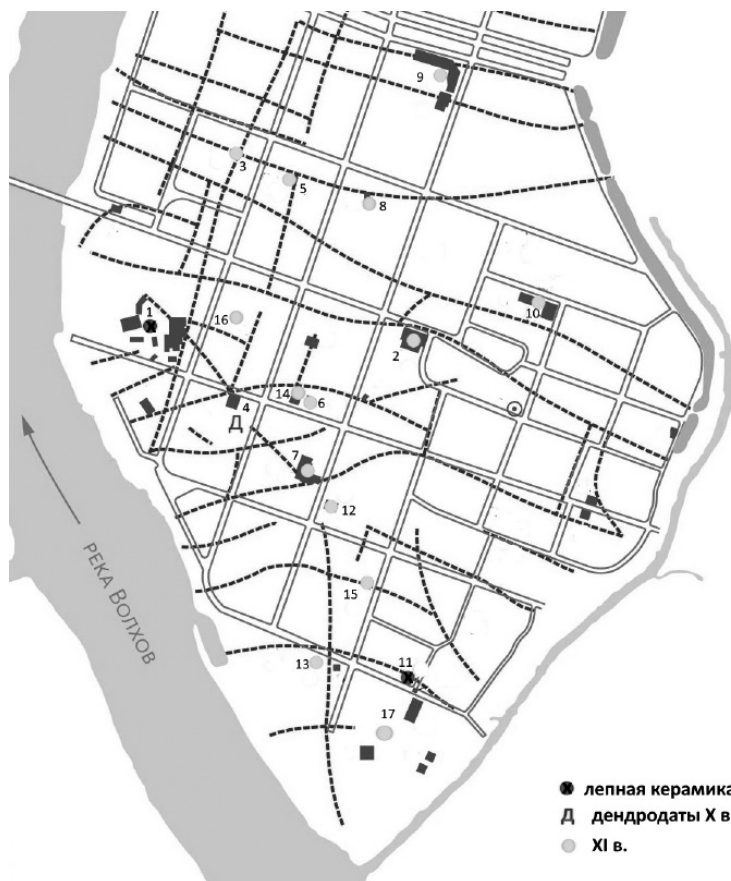

Рис. 1. Раскопы на Торговой стороне Новгорода с материалами X–XI вв. 1 – раскопы на Ярославовом дворце; 2 – Ильинский; 3 – Буяный (Лубяницкий); 4 – Михайловский; 5 – Рогатицкий; 6 – Дубошин (I); 7 – Нутный (I–III); 8 – Раскоп на ул. Большевиков (Рогатище); 9 – Федоровский (I–VI); 10 – Лукинский; 11 – Посольский-2008; 12 – Нутный IV; 13 – Посольский-2016; 14 – Дубошин II; 15 – Знаменская, 15; 16 – Иоанновский (Немецкий двор) (работы в квартале 38); 17 – раскопки в церкви Святого Ильи на Славне.

Источники

ПСРА. М., 1997. Т. 1. Н, VIII, 733 с.; М., 1998. Т. 2. XXVIII с., 938 стб., 146 с.; М., 2000. Т. 3. XI, 692 с., [5] л. ил.; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. XXXVIII, 686, [1] с. разд. паг.; СПб., 2002. Т. 42. 221, [1] с.

Литература

- Андриенко А. В., Шуреєв А. В., Желтова М. Н. Древнейшие археологические материалы из раскопок 2013–2014 гг. // Археологические вести. СПб., 2021. Вып. 28. С. 85–92.
- Антипов И. В., Жервэ А. В. Раскопки в храмах Ильи Пророка на Славне и Николы на Липне // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2017. Вып. 31. С. 53–61.
- Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1950. Вып. 33. С. 3–16.
- Буров В. А. О происхождении Новгорода. 862–1136 гг. – княжеский город Рюриковичей // Российская археология. 2023. № 3. С. 187–197. DOI 10.31857/S086960632303008X
- Воронова М. А. Раскопки древней улицы Рогатицы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 1989. Вып. 2. С. 16–18.
- Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. 197 с.
- Гайдуков П. Г. Топография, стратиграфия и хронология Дубошина раскопа в Новгороде // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2: Славянский средневековый город. С. 59–67.
- Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А., Олейников О. М., Степанов М. А., Языков С. В. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (раскоп Рогатицкий-2) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2015. Вып. 29. С. 66–78.
- Гайдуков П. Г., Малыгин П. Д. Керамика X в. Троицкого VIII раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 1990. Вып. 3. С. 64–66.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский 2 раскоп) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 20–31.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Исаев А. А., Короткова Е. В., Степанов М. А. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2016 г. (раскопы Никитин-7; Посольский-2016) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2017. Вып. 31. С. 25–28.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Богомолов А. В., Исаев А. А., Короткова Е. В., Чайковский О. Л. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2017 г. (раскопы: Посольский-2016; на ул. Маницына, д. 9а; в южной оконечности Славенского конца; на наб. Ал. Невского; на территории парка 30-летия Октября) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2019. Вып. 32. С. 60–65.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Богомолов А. В., Короткова Е. В., Перейма Д. В. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2018 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2020. Вып. 33. С. 24–31.
- Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. 779 с.
- Дубровин Г. Е. Плотницкий конец средневекового Новгорода. М., 2016. 607 с.
- Дубровин Г. Е. О Прусской улице Новгорода // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. М., 2017. С. 26–32.
- Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде (некоторые итоги) // Новгородские археологические чтения – 2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Великий Новгород, 21–24 сентября 2002 г. Великий Новгород, 2004. С. 224–233.
- Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А., Тихонов П. И. 2.2.8. Заключение. Южный берег Федоровского ручья в XII–XIV вв. // Дубровин Г. Е. Плотницкий конец средневекового Новгорода. Федоровский раскоп. СПб., 2020. С. 127–135.
- Евгений (Болховитинов), еп. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. Великий Новгород, 2009. 172 с.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 135–173.
- Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 57–116.
- Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 3–137.

- Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2001. Вып. 15. С. 82–97.
- Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Материалы научной конференции «Новгород древний – Новгород социалистический. Археология, история, искусство», посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде. Л., 1984. С. 127–133.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.
- Мусин А. Е. Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород // Археологические вести. СПб., 2020. Вып. 28. С. 45–75.
- Мусин А. Е., Тарабардина О. А. Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник СПбГУ. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785. DOI 10.21638/11701/spbu02.2019.218
- Несин М. А. Топоним «Славно» в XII–XVI вв. по данным новгородского летописания // Valla. 2017. № 3 (1). С. 1–21.
- Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 3–38.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб., 2017. 288 с.
- Олейников О. М., Долгих А. В. Новые данные по датированию оборонительных укреплений у Пречистенской башни Новгородского детинца // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2017. Вып. 31. С. 176–181.
- Петров М. И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2008 // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2009. Вып. 22. С. 80–90.
- Петров М. И. Славенский конец средневекового Новгорода: археологические исследования на раскопе Нутный-IV в 2011 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2012. Вып. 26. С. 22–28.
- Петров М. И. Археологические исследования 2015 г. на раскопе Нутный-IV // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2016. Вып. 30. С. 43–52.
- Петров М. И. Археологические исследования 2016 г. на раскопе Нутный-IV // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2017. Вып. 31. С. 20–24.
- Петров М. И., Рыбина Е. А., Тарабардина О. А. Археологическое изучение Славенского конца. Раскоп Дубошин II в 2018–2019 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2021. Вып. 34. С. 50–60.
- Петров М. И., Тарабардина О. А. Археологическое изучение Славенского конца. Раскоп Дубошин II в 2017 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2019. Вып. 32. С. 28–33.
- Петров М. И., Тарабардина О. А. Археологическое изучение Славенского конца. Раскоп Дубошин II (2017–2019 гг.) // Новгородские археологические чтения – 4. Материалы научной конференции «Археология Новгорода. 85 лет исследований и открытий». Великий Новгород, 2021. С. 64–80.
- Плохов А. В. Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 417–431.
- Покровская Л. В. Прибалтийско-финские украшения древнего Новгорода (X–XIV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тезисы докладов научно-практической конференции. Новгород, 1992. Вып. 4–5. С. 57–60.
- Родионова М. А. Археологическое изучение Новгородского кремля: проблемы, гипотезы, доказательства // Археологические вести. СПб., 2020. Вып. 28. С. 160–172.
- Рождественская Т. В. Еще раз о топониме «Поромонь двор» в летописном известии 1015 (1016) г. // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 205–209.
- Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода // НИС. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 55–73.
- Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии. 1976. Вып. 146. С. 3–10.
- Степанов А. В. Великий мост в средневековом Новгороде по данным новейших исследований // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. 2. С. 278–279.
- Тарабардина О. А. Новгород X в. по материалам дендрохронологических исследований // Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 2018. С. 51–52.
- Хорошев А. С. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 174–196.

- Хорошев А. С., Пежемский Д. В., Степанов А. М. Новые исследования на Ярославском дворце в Великом Новгороде // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 61–63.
- Янин В. Л. Устав князя Ярослава о мостех // Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 91–122.
- Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 79–95.
- Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. 415 с.
- Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2013. 445 с.
- Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 года // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 3–13.
- Яременко Е. В., Тарабардина О. А. Лукинский раскоп в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 11–14.

References

- Andrienko, A. V., Shureev, A. V., Zheltova, M. N. Drevneishie arkheologicheskie materialy iz raskopok 2013–2014 gg. In *Arkheologicheskie vesti*. Saint Petersburg, 2021. Iss. 28. Pp. 85–92. (In Russ.)
- Antipov, I. V., Zherve, A. V. Raskopki v khramakh Il'i Proroka na Slavne i Nikolyy na Lipne. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2017. Iss. 31. Pp. 53–61. (In Russ.)
- Artsikhovskii, A. V. Raskopki v Novgorode. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury*. Moscow; Leningrad, 1950. Iss. 33. Pp. 3–16. (In Russ.)
- Burov, V. A. O proiskhozhdenii Novgoroda. 862–1136 gg. – knyazheskii gorod Ryurikovichei. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2023. No. 3. Pp. 187–197. DOI 10.31857/S086960632303008X (In Russ.)
- Dubrovин, G. E. Plotnitskii konets srednevekovogo Novgoroda. Moscow, 2016. 607 p. (In Russ.)
- Dubrovин, G. E. O Prusskoi ulitse Novgoroda. In *Pamyatniki srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy. K yubileyu Mariny Dmitrievny Poluboyarinovoi*. Moscow, 2017. Pp. 26–32. (In Russ.)
- Dubrovин, G. E., Tarabardina, O. A. Fedorovskii raskop v Novgorode (nekotorye itogi). In *Novgorodskie arkheologicheskie chteniya – 2. Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda i 100-letiyu so dnya rozhdeniya osnovatelya Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii A. V. Artsikhovskogo. Velikii Novgorod, 21–24 sentyabrya 2002 g.* Velikii Novgorod, 2004. Pp. 224–233. (In Russ.)
- Dubrovин, G. E., Tarabardina, O. A., Tikhonov, P. I. 2.2.8. Zaklyuchenie. Yuzhnyi bereg Fedorovskogo ruch'ya v XII–XIV vv. In *Dubrovин, G. E. Plotnitskii konets srednevekovogo Novgoroda. Fedorovskii raskop*. Saint Petersburg, 2020. Pp. 127–135. (In Russ.)
- Dzhakson, T. N. Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope. Moscow, 2012. 779 p. (In Russ.)
- Evgenii (Bolkhovitinov), bishop. Istoricheskie razgovory o drevnostyakh Velikogo Novgoroda. Velikii Novgorod, 2009. 172 p. (In Russ.)
- Gaidukov, P. G. Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyi raskop. Moscow, 1992. 197 p. (In Russ.)
- Gaidukov, P. G. Topografiya, stratigrafiya i khronologiya Duboshina raskopa v Novgorode. In *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoi arkheologii*. Moscow, 1997. Vol. 2: Slavyanskii srednevekovyi gorod. Pp. 59–67. (In Russ.)
- Gaidukov, P. G., Kudryavtsev, A. A., Oleinikov, O. M., Stepanov, M. A., Yazikov, S. V. Issledovaniya v yuzhnoi chasti Plotnitskogo kontsa Velikogo Novgoroda v 2014 g. (raskop Rogatitskii-2). In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2015. Iss. 29. Pp. 66–78. (In Russ.)
- Gaidukov, P. G., Malygin, P. D. Keramika X v. Troitskogo VIII raskopa. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Novgorod, 1990. Iss. 3. Pp. 64–66. (In Russ.)
- Gaidukov, P. G., Oleinikov, O. M. Arkheologicheskie issledovaniya na Torgovoi storone Novgoroda v 2012 g. (Lukinskii 2 raskop). In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2013. Iss. 27. Pp. 20–31. (In Russ.)
- Gaidukov, P. G., Oleinikov, O. M., Isaev, A. A., Korotkova, E. V., Stepanov, M. A. Arkheologicheskie issledovaniya na Torgovoi storone Velikogo Novgoroda v 2016 g. (raskopy Nikitin-7; Posol'skii-2016). In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2017. Iss. 31. Pp. 25–28. (In Russ.)
- Gaidukov, P. G., Oleinikov, O. M., Bogomolov, A. V., Isaev, A. A., Korotkova, E. V., Chaikovskii, O. L. Arkheologicheskie issledovaniya na Torgovoi storone Velikogo Novgoroda v 2017 g. (raskopy: Posol'skii-2016; na ul. Manitsyna, d. 9a; v yuzhnoi okonechnosti Slavenskogo kontsa; na nab. Al. Nevskogo; na territorii parka 30-letiya Oktyabrya). In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2019. Iss. 32. Pp. 60–65. (In Russ.)

- Gaidukov, P. G., Oleinikov, O. M., Bogomolov, A. V., Korotkova, E. V., Pereima, D. V. Arkheologicheskie issledovaniya na Torgovoi storone Velikogo Novgoroda v 2018 g. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2020. Iss. 33. Pp. 24–31. (In Russ.)
- Khoroshev, A. S. Raskopy yuzhnoi chasti Plotnitskogo kontsa. In *Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda*. Moscow, 1978. Pp. 174–196. (In Russ.)
- Khoroshev, A. S., Pezhemskii, D. V., Stepanov, A. M. Novye issledovaniya na Yaroslavovom dvorishche v Velikom Novgorode. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2007 goda*. Moscow, 2010. Pp. 61–63. (In Russ.)
- Kolchin, B. A., Chernykh, N. B. Il'inskii raskop (stratigrafiya i khronologiya). In *Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda*. Moscow, 1978. Pp. 57–116. (In Russ.)
- Kolchin, B. A., Khoroshev, A. S. Mikhailovskii raskop. In *Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda*. Moscow, 1978. Pp. 135–173. (In Russ.)
- Kolchin, B. A., Yanin, V. L. Arkheologii Novgoroda 50 let. In *Novgorodskii sbornik. 50 let raskopok Novgoroda*. Moscow, 1982. Pp. 3–137. (In Russ.)
- Malygin, P. D., Gaidukov, P. G., Stepanov, A. M. Tipologiya i khronologiya novgorodskoi keramiki X–XV vv. (po materialam Troitskogo XI raskopa). In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2001. Iss. 15. Pp. 82–97. (In Russ.)
- Mel'nikova, E. A. Novgorod Velikii v drevneskandinavskoi pis'mennosti. In *Novgorodskii krai. Materialy nauchnoi konferentsii "Novgorod drevnii – Novgorod sotsialisticheskii. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo", posvyashchennoi 50-letiyu arkheologicheskikh raskopok v Novgorode*. Leningrad, 1984. Pp. 127–133. (In Russ.)
- Murzaev, E. M. Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov. Moscow, 1984. 653 p. (In Russ.)
- Musin, A. E. Ryurikovo gorodishche, Yaroslavovo dvorishche i Velikii Novgorod. In *Arkheologicheskie vesti*. Saint Petersburg, 2020. Iss. 28. Pp. 45–75. (In Russ.)
- Musin, A. E., Tarabardina, O. A. Skandinavyy sredi pervoposelentsev Novgoroda po dannym arkheologii. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2019. Vol. 64. Iss. 2. Pp. 762–785. DOI 10.21638/11701/spbu02.2019.218 (In Russ.)
- Nesin, M. A. Toponim "Slavno" v XII–XVI vv. po dannym novgorodskogo letopisaniya. In *Valla*. 2017. No. 3 (1). Pp. 1–21. (In Russ.)
- Nosov, E. N. Novgorod i Novgorodskaya okruga IX–X vv. v svete arkheologicheskikh dannykh (k voprosu o vozniknovenii Novgoroda). In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Leningrad, 1984. Iss. 2 (12). Pp. 3–38. (In Russ.)
- Nosov, E. N., Plokhov, A. V., Khvoshchinskaya, N. V. Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniya. Saint Petersburg, 2017. 288 p. (In Russ.)
- Oleinikov, O. M., Dolgikh, A. V. Novye dannye po datirovaniyu oboronitel'nykh ukrepleniya u Prechistenskoii bashni Novgorodskogo detintsa. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2017. Iss. 31. Pp. 176–181. (In Russ.)
- Petrov, M. I. Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda: raskop Posol'skii-2008. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2009. Iss. 22. Pp. 80–90. (In Russ.)
- Petrov, M. I. Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda: arkheologicheskie issledovaniya na raskope Nutnyi-IV v 2011 g. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2012. Iss. 26. Pp. 22–28. (In Russ.)
- Petrov, M. I. Arkheologicheskie issledovaniya 2015 g. na raskope Nutnyi-IV. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2016. Iss. 30. Pp. 43–52. (In Russ.)
- Petrov, M. I. Arkheologicheskie issledovaniya 2016 g. na raskope Nutnyi-IV. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2017. Iss. 31. Pp. 20–24. (In Russ.)
- Petrov, M. I., Rybina, E. A., Tarabardina, O. A. Arkheologicheskoe izuchenie Slavenskogo kontsa. Raskop Duboshin II v 2018–2019 gg. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2021. Iss. 34. Pp. 50–60. (In Russ.)
- Petrov, M. I., Tarabardina, O. A. Arkheologicheskoe izuchenie Slavenskogo kontsa. Raskop Duboshin II v 2017 g. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Velikii Novgorod, 2019. Iss. 32. Pp. 28–33. (In Russ.)
- Petrov, M. I., Tarabardina, O. A. Arkheologicheskoe izuchenie Slavenskogo kontsa. Raskop Duboshin II (2017–2019 gg.). In *Novgorodskie arkheologicheskie chteniya – 4. Materialy nauchnoi konferentsii "Arkheologiya Novgoroda. 85 let issledovaniya i otkrytii"*. Velikii Novgorod, 2021. Pp. 64–80. (In Russ.)
- Plokhov, A. V. Lepnaya keramika iz raskopok v Velikom Novgorode. In *Khoroshie dni. Pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva*. Moscow, 2009. Pp. 417–431. (In Russ.)
- Pokrovskaya, L. V. Pribaltiisko-finskii ukrasheniya drevnego Novgoroda (X–XIV vv.). In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: tezisy dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Novgorod, 1992. Iss. 4–5. Pp. 57–60. (In Russ.)

- Rodionova, M. A. Arkheologicheskoe izuchenie Novgorodskogo kremlia: problemy, gipotezy, dokazatel'stva. In *Arkheologicheskie vesti*. Saint Petersburg, 2020. Iss. 28. Pp. 160–172. (In Russ.)
- Rozhdestvenskaya, T. V. Eshche raz o toponime “Poromon’ dvor” v letopisnom izvestii 1015 (1016) g. In *Pamyatniki srednevekovoi kul'tury. Otkrytiya i versii*. Saint Petersburg, 1994. Pp. 205–209. (In Russ.)
- Semenov, A. I. Drevnyaya topografiya yuzhnoi chasti Slavenskogo kontsa Novgoroda. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Novgorod, 1959. Iss. 9. Pp. 55–73. (In Russ.)
- Smirnova, G. P. Lepnaya keramika drevnego Novgoroda. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 1976. Iss. 146. Pp. 3–10. (In Russ.)
- Stepanov, A. V. Velikii most v srednevekovom Novgorode po dannym noveishikh issledovaniy. In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare*. Samara, 2020. Vol. 2. Pp. 278–279. (In Russ.)
- Tarabardina, O. A. Novgorod X v. po materialam dendrokronologicheskikh issledovaniy. In *Arkheologiya Drevnei Rusi: aktual'nye problemy i otkrytiya. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Avdusina*. Moscow, 2018. Pp. 51–52. (In Russ.)
- Voronova, M. A. Raskopki drevnei ulitsy Rogatitsy. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Tezisy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Novgorod, 1989. Iss. 2. Pp. 16–18. (In Russ.)
- Yanin, V. L. Ustav knyazya Yaroslava o mostekh. In *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya. Srednevekovyi Novgorod*. Moscow, 1977. Pp. 91–122. (In Russ.)
- Yanin, V. L. Sotsial'no-politicheskaya struktura Novgoroda v svete arkheologicheskikh issledovaniy. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Leningrad, 1982. Iss. 1 (11). Pp. 79–95. (In Russ.)
- Yanin, V. L. Srednevekovyi Novgorod. Ocherki arkheologii i istorii. Moscow, 2004. 415 p. (In Russ.)
- Yanin, V. L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. Moscow, 2013. 445 p. (In Russ.)
- Yanin, V. L., Aleshkovskii, M. Kh. Proiskhozhdenie Novgoroda (k postanovke problemy). In *Istoriya USSR*. 1971. No. 2. Pp. 32–61. (In Russ.)
- Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. Berestyanye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2005 goda. In *Voprosy yazykoznaniiya*. 2006. No. 3. Pp. 3–13. (In Russ.)
- Yaremenko, E. V., Tarabardina, O. A. Lukinskii raskop v Novgorode. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Novgorod, 1994. Iss. 8. Pp. 11–14. (In Russ.)

Gennady E. Dubrovin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

RIGHT BANK OF NOVGOROD (“ON POL”, TRADE SIDE) IN THE 10th–13th CENTURIES

The article discusses the main stages of the history of Novgorod's Trade Side in 10th–13th centuries. In the 10th century, its economic development (arable land) began, but no traces of notable settlements of that time were found there. In the 11th century, as the princely court was transferred from Gorodishche, the active development of the Trade Side began. As a result, by the end of the century, the settlement on the Trade Side (“on pol”) expanded to the Plotnitsky (Fedorovsky) stream and became comparable to the left-bank ends (districts) (Nerevsky and Ludin). Since that time, we can talk about the “trekhkonchanskaya” (three-ends) model of early Novgorod. In the 13th century, a single settlement on the Trade Side was divided into two ends (districts): Slavensky and Plotnitsky, which, together with the three ends of the Sofia Side, formed the classic “pyatikonchanskaya” (five-ends) city federation of Novgorod, which existed until its downfall.
Keywords: Novgorod, Trade Side (“on pol”), the end (district), Slavensky and Plotnitsky ends, Trekhkonchanskaya (three-ends) and Pyatikonchanskaya (five-ends) models

